

УДК 156.945\90

К ПРОБЛЕМЕ ГЕНДЕРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ: СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ

Л.У. КУРБАНОВА

*Грозненский нефтяной
институт им. академика
М.Д. Миллионщикова*

e-mail: medna59@mail.ru

В статье дан краткий анализ проблемы гендерной идентичности, культурной парадигмы, корреляция данных дискурсов как базовых категорий в историографии как отечественных, так и западных исследователей. Дана попытка выявить основные критерии половой самоидентификации личности и их интерпретация в практиках различных культур.

Ключевые слова: гендер, самоидентификация, традиционная культура, гендерные практики и стереотипы.

Гендерные исследования в качестве онтологических понятий оперируют целым рядом базовых категорий, к числу которых принадлежит категория половой идентичности¹. Проблема гендерной идентификации личности с середины XX в. становится активно дискутируемой темой в микротехории. Обусловлено это следующими моментами. В повседневности половые различия воспринимаются как фундаментальные и существует предубеждение, что человек приходит в мир с уже заданной биологической программой; осуществлять свою жизнь в мужском либо женском обликах. Еще в 30-е гг. нашего века полевые исследования американских этнологов Маргарет Мид, а позднее Кесслера и Маккенны показали, что существуют общества, где сознательно, при необходимости, ребенку внушается иная, чем биологическая, половая идентификация. Так, примитивные общества в районах южных морей Индийского океана сами решают, какой пол будет у ребенка в зависимости от того, достаточно ли в семье охотников. Если в семье не появляется ребенок мужского пола, то девочку начинают воспитывать по мужскому типу, и у нее в последующем формируется тип поведения, соответствующий мужскому² эти исследования еще раз говорят в пользу социальной детерминированности пола. Но вопрос «Природа или культура»: что является исходной причиной существования на протяжении многих веков такой модели социальных отношений между мужчинами и женщинами, в рамках которой один пол присваивал себе право говорить и действовать (и тем самым репрезентировать его интересы) от имени «второго» пола? Можно ли объяснить универсальностью биологического различия универсальную практику субординации женщин в патриархальной культуре, имеет ли здесь место причинно-следственная детерминация? Почему женское, как правило, отождествляется с природным началом, с тем, что подлежит контролю и управлению, в то время как мужское воспринимается как инстанция культуры и социального порядка, как самостоятельное и автономное начало? Существует ли «неизменная сущность» женщины (определяемая все той же биологической трагедией «слабого» пола)? Эти вопросы по-прежнему задают себе большинство теоретиков, занимающихся гендерными исследованиями сегодня, хотя на первый взгляд, они кажутся, по меньшей мере, архаическими³.

Придание социально-половой идентификации индивиду есть сложный процесс, включающий воспитание, освоение ролей, исполнение социальных ожиданий, профессиональную подготовку и многое другое. Получается, половая дифференциация является универсальной характеристикой. Может ли человеческий индивид сам избирать эту универсальную принадлежность? Бесспорно, первичную половую принадлежность индивид не выбирает, но что означает быть мужчиной или женщиной в том или ином обществе? На этот вопрос пытается дать ответ современная микротехория. Для этих целей разработаны

¹ Ерохина Л.Д. Миф о женской покорности или этика ненасилия. // Философские науки. – 2003. – № 6. – С.126.

² М. Киммен. Гендерное общество. М., 1999. – С.111.

³ Усманова А. Гендер и культура в парадигме гендерных исследований. : Введение в гендерные исследования. Часть 1: Учебное пособие. (ХИЦИ, Санкт-Петербург: Алетейя, 2001), – С.433..

соответствующие категории. Так, сексуальная принадлежность означает биологическую принадлежность к полу, а термином «гендер» обозначают социальную характеристику пола. Тем самым пол можно рассматривать как социальную категорию, как результат приписывания обществом индивиду определенных качеств. В различных культурах принадлежность к социальным слоям и группам можно проследить по формам персональной репрезентации. В них включаются формы одежды, уход за телом, движения и мимика, походка, способы выражения эмоций, жесты и скорость речи, и многое другое.

Личность человека формируется в процессе повседневного общения с окружающими. Культура определенного общества принимается человеком не как нечто внешнее, извне навязанное, но как состоящая из моделей соответствующего поведения, которые возникают в коммуникации и постоянно укрепляются постольку, поскольку люди сообща взаимодействуют с условиями жизни.

Практически любая традиция, любой культурный стандарт имеет в своей основе исторически обусловленную необходимость, связь с которой уже потеряна, но тем не менее благодаря которой в качестве стереотипов социальное знание живет и передается от поколения к поколению⁴.

Общественное сознание поставляя информацию в виде цельных, внутренне не дифференцированных стереотипов нормативно ориентированного поведения, осуществляет стабилизирующую функцию социального контроля, функцию преемственности культуры. Надо отметить, трансформация информационного поля общественного сознания на личностный уровень конкретной личности проходит через осмысление им данных установок, норм и правил гендерного поведения зачастую через призму собственного видения. Происходит некая «ревизия» в каждом поколении, заданных культурной символикой, стандартов поведения. Этот процесс протекает интенсивно в условиях трансформации социально-политических структур общества, например, как мы наблюдали вовлечение женщины в преобразование общества в годы строительства социализма и защите Родины в годы Великой Отечественной войны. Смена гендерных ролевых функций – процесс неоднозначный. С одной стороны, культурные стереотипы поведения на уровне индивидуального сознания порождают способность к повторению, воспроизведению и констатации того, что общественное сознание «передает» индивиду как некие нормы, правила, не только не требующие теоретического осмысления, но и исключающие его, а с другой стороны, поведенческие установки культуры не зеркально отражаются и усваиваются. Культура выступает не только средством легитимации социального неравенства – она так же предлагает способы его преодоления: любая «революция» (от социалистической до женского освободительного движения) начинается с борьбы за переоценку культурных ценностей и изменение культурной политики⁵. Культурная политика класса, пола или расы – это борьба за то, чтобы сделать «видимой» историю и культуру данной социальной группы, это борьба за репрезентацию, это борьба с доминирующей идеологией, узурпировавшей право на «именование», на натурализацию так называемого «здорового смысла», на представление «официальных версий» и реконструкцию исторического прошлого. История феминизма является, возможно, наиболее ярким примером такой борьбы – включавшей в себя как критику доминантных (патриархатных) способов репрезентации женщин, так и создание антисексистских позитивных образов и значений фемининности. Роль критически настроенных интеллектуалов повышается по мере того, как усложняются механизмы репрессии и доминирования в капиталистическом обществе, поскольку именно они берут на себя функцию разоблачения доминирующей идеологии и формирование стратегии культурного сопротивления власти.

В культуре можно наблюдать два следующих процесса, идущих одновременно: с одной стороны, в общеисторическом масштабе происходит поступательное движение от табу к

⁴ Азарова Е. А. Влияние культуры на формирование и изменение моральных стереотипов. / Материалы V конференции, посвященной теории и истории женского движения / Сост. и отв. ред. Г.А.Типкин. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2001. – С.213.

⁵ Цит. По А.Усманова. Гендер и культура в парадигме культурных исследований: Введение в Гендерные исследования. Часть 1: Учебное пособие. ХЦГИ, Санкт-Петербург; Алетейя, 2001. – С.433.

⁵ Jordan G., Weedon Ch. *Cultural Politics. Class, Gender, Race and the Postmodern World* (Blackwell, 1995).

заменяющим их более творческим нормам, с другой — та норма, которая становится общепринятой, постепенно преобразуется в привычный моральный «автоматизм», в этикетный шаблон, в процедуру обычая. Нравственное сознание освобождается от уже бесспорных, не вызывающих разногласия проблем, переводя их на уровень подсознательных и интуитивно-чувственных стереотипов поведения. Оно принимается за решение новых проблем, закреплении новых нормативов. Эти процессы, с одной стороны, способствуют появлению и сохранению социального знания, с другой — позволяют появиться новым представлениям, более адекватным существующей ситуации⁶.

Говоря о конкретных людях «мужественный» или «женственная», мы думаем, что даем им точную характеристику, а еще вернее, точно их идентифицируем. Нам представляется, что они в реальности таковы, какими мы их обнаруживаем. На самом же деле мы отождествляем индивида с идеей, создаваемой в сознании, и мы думаем, что идея половой идентичности такова, какой мы ее себе представляем. Но именно данное обстоятельство рождает сомнение в ее правильности. На самом деле идея половой идентичности может резко измениться в зависимости от ситуации, а это порождает сомнение в возможности определить чью-либо половую идентичность. Можно сказать, что она есть нечто сомнительное, никогда полностью нереализованное, никогда «здесь» в продолжительном времени. Идея половой идентичности для поддержания своего существования в поступках, чувствах и мыслях должна пересматриваться снова и снова, чтобы не оставить места сомнению кто же перед нами реально — мужчина или женщина. Эта точка зрения собственных поправок и определения половой идентичности может показаться странной и даже абсурдной, и даже «вне нас», так как всегда остается возможность найти субъекта отношений, в ком может воплотиться идея половой идентичности. Большинство из нас думает, что половая идентичность «другого» более реальна, чем наша собственная, и почти каждый измеряет себя в соответствии со стандартами «мужественности» и «женственности», которые он находит в реальных мужчинах и женщинах. В то же самое время, почти для каждого индивида его собственная половая идентичность реально ощущается только мимолетно и с большими перерывами.

Социальная жизнь предлагает индивидам множество возможностей для самоидентификации, которые американец Эрвинг Гоффман называет множественностью сцен. Продолжая в том же театро-терминологическом духе, Гоффман предполагает существование социальных сценариев для различных видов личностной репрезентации. Люди хотят, чтобы их увидели окружающие в том или ином свете, но внутри каждого из нас сидят усвоенные формы социального опыта, которые легитимируют формы нашего личного выражения⁷.

Такие рассуждения можно в полной мере отнести и к самоидентификации мужчин и женщин. В обществе вырабатываются институциональные правила для признания поведения мужским или женским. Американский этнометодолог Гарольд Гарфинкель подчеркивает что «нет ни единой социальной ситуации, где бы принадлежность индивида к мужскому или женскому полу была бы безразличной. Многие социальные поступки возможны только потому, что мы твердо уверены, кого мы имеем перед собой — мужчину или женщину. Зачастую признается «неписаное» правило быть или мужчиной или женщиной. Третьей возможности в обществе не предусмотрено»⁸. В данном случае Гарфинкель приводит пример с изменением пола. Он сравнивает транссексуалов с иностранцами, которые в чужой стране вынуждены гораздо больше соответствовать принятым формам общения и поведения, чем сами граждане этой страны. Полное смещение гендерных конструктов в обществе, на биологическом, социальном и психологическом уровне, можно рассматривать как окончательное изменение вечных основ культуры, ее «несущих каркасов».

Таким образом, гендерный анализ не просто добавил новое измерение и позволил преодолеть некоторые ограничения классического социального анализа, но по существу внес неоценимый вклад в то преобразование целостной картины прошлого, которое составляет сегодня сверхзадачу обновленной социокультурной истории.

⁶ Jordan G., Weedon Ch. *Cultural Politics. Class, Gender, Race and the Postmodern World* (Blackwell, 1995). – С.216.

⁷ Практикум по гендерной психологии. Под редакцией Клециной И.С.-СПб..2003. – С.61.

⁸ Там же. – С.72.

Идеология культуры не только предлагает концепцию внешнего мира, но она также формирует самого субъекта, вписывая его в эту картину мира. Идеология – это система репрезентаций, выполняющая не столько теоретическую функцию, сколько практическую – она пропитывает все общество, обеспечивая механизм формирования общественной солидарности. Общество нуждается в заведомо мифическом представлении о мире. Идеология культуры мистифицирует и деформирует внешний по отношению к индивиду мир, в ней реальные отношения с необходимостью трансформируются в отношения символические, воображаемые. Культура – это совокупность идеальных проекций индивидов, и в этом секрет ее эффективности как цемента социальных отношений и институтов. Основной целью любой идеологии всегда было конституирование индивидов в воображаемые «субъекты», чтобы обеспечить их действительное подчинение социальному порядку, отводя им роль либо слепых его сторонников, либо жертв.

Тем самым проблема идентичности субъекта – это проблема конституирования его символического статуса в системе социальных отношений. В культуре (через идеологию) субъект создает собственный нарциссический образ, социализируясь посредством вписывания себя в определенную символическую структуру социума), вместо «истинной», всегда тождественной самой себе, идентичности классического субъекта.

Современные гендерные исследования пронизали собой, хотя и неравномерно, почти все области общественных наук. На сегодняшний день гендерная проблема в ее наиболее широком истолковании представляет собой огромное междисциплинарное поле, охватывающее социально-экономическое, демографическое, социологическое, культурно-антропологическое, психологическое и интеллектуальное измерения.

Например, в большом числе статей и книг исследуются нормативные предписания, гендерная идеология, включающая расхожие представления о женщинах, которые обычно фиксируют сугубо мужской взгляд на этот предмет и, несмотря на наличие некоторых внутренних противоречий, рисуют в целом негативные стереотипы мужского восприятия, а также навязываемые социумом модели женского поведения. Эти идеи мыслителей разных исторических эпох были зафиксированы в религиозной литературе, научных и философских трактатах⁹, поэтических и других произведениях¹⁰, которые сохранялись и читались последующими поколениями. Научная революция, которая перевернула картину мира образованных европейцев, открыв им, новый взгляд на вселенную, мало, что изменила в давно сложившемся представлении о женской неполноценности. Более того, некоторые историки считают, что она его усугубила, отстаивая ассоциируемые с мужчинами – или определяемые как мужские – понятия разума, порядка, контроля, закона и продолжая отождествлять женский характер с иррациональностью, неупорядоченностью и необузданностью. Признание галеновской идеи о комплементарности полов не предполагало их равноправия. К концу XVIII века идея комплементарности привела к распространению представлений о том, что половые различия пронизывают все виды человеческого опыта: даже форма скелета доказывала большинству наблюдателей, что женщине самой природой предназначено сидеть дома и выхаживать детей¹¹. Фактически вплоть до XX века наука давала больше «доказательств» сущностного неравенства полов, чем аргументов в пользу их равноправия.

Вопреки претензии на универсальность господствующая идеология и то мировоззрение, которая она предлагает, с необходимостью являются узкими и избирательными. Поэтому одновременно в обществе существуют практики, которые доминирующая система отрицает или исключает. Наличие таких групп самого происхождения и масштаба позволяет говорить о постоянном присутствии в обществе напряжения и противоречий между основными системами практик, значений и ценностей и множеством маргинальных.

Социальное напряжение часто лежит в плоскости статуса женщин и общественной организации.

В поисках корреляции между статусом женщин и характером общественной организации историки идут вслед за антропологами, которые подчеркивают ее непрямой ха-

⁹ Платон. Соч.: В 3 т. М., 1990. – С. 687.

¹⁰ Фромм Э. Иметь или быть. М., 1990. – С. 115.

¹¹ Гендерная теория и искусство. Антология. Составила Бредихина, Кети Дипуэл. М., 2004. – С. 112.

рактар и указывают на то, что усложнение общественных структур влекло за собой снижение авторитета женщины в семье, сокращение ее имущественных прав, установление двойного стандарта норм поведения и морали и, вместе с тем, усиление неформального влияния женщин через более широкую сеть социальных связей за пределами семьи и домохозяйства¹².

Вся гендерная идеология строилась на взаимосотнесенных и взаимоопределяющих концепциях, одним своим полюсом обращенных к женщинам, а другим – к мужчинам, но видимая сторона имела «женский образ», поскольку ее творцы предпочитали рассуждать о противоположном поле. В основе всех идей относительно женщин и в законах, вытекающих из них, лежали понятия, в которых мужчины осознавали свои собственные гендерные характеристики.

Вот почему, сохраняя в целом периодизацию, фиксирующую структурные трансформации в обществе, гендерная история делает акцент на различных последствиях этих перемен для мужчин и для женщин, на долю которых достались не дивиденды, а издержки «прогресса».

Оказывается, что в более отдаленное время асимметрия гендерной системы была гораздо слабее, что в эпохи, которые традиционно считаются периодами упадка, статус женщины относительно мужчин, отнюдь не снижался, а в так называемые, эры прогресса плоды последнего распределялись между ними далеко не равномерно. Однако, при такой постановке проблемы, несмотря на несоответствие фаз исторического опыта мужчин и женщин, задача периодизации исторического развития отходит на второй план, речь уже идет главным образом о его оценке и интерпретации.

Процессы демократизации и гуманизации общества детерминируют изменение нормативной социальной системы, что требует изучения процессов производства и воспроизводства легитимных социальных моделей поведения и конструирования современных идентичностей. Социальные изменения определяют модификацию гендерной системы, повседневных практик гендерных отношений. Демократизация общества, происходящая в условиях индивидуализации и плюрализации жизненных стилей, актуализирует изучение современных гендерных норм, выявление изменений в доминирующих социокультурных паттернах, в отношении общества к норме и отклонению от неё. Исследование конструирования гендерных норм позволяет объяснить механизмы и формы контроля повседневных практик гендерного поведения, что даст возможность формирования оптимальных социальных условий для успешной социальной интеграции индивидов и социальных групп и толерантных общественных отношений.

Современное общественное мнение негативно санкционирует преодоление гендерных норм посредством социального принуждения, стигматизации и дискриминации. В свою очередь, стигматизируемые меньшинства выстраивают политики сопротивления доминирующей гендерной системе. Актуальной становится рефлексия социального контекста и опыта социальных групп, вытесняемых на периферию социальных норм, имеющих маргинальную самоидентификацию, в аспекте их нормализации и социального участия. Восприятие проблем маргинальных социальных групп в общественном дискурсе постепенно изменяется от категорического неприятия и непонимания в направлении уважения достоинства и прав человека.

Комплексный подход к истории традиционной культуры призван учитывать, помимо психических и культурных составляющих гендерной идентичности, положение субъекта в социальной иерархии и конфигурацию последней.

Таким образом, необходимость разработки новых концепций и исследовательских моделей, которые позволили бы совместить гендерный и социальный подходы в конкретно-историческом анализе, очевидна. Но нынешнее положение вещей вынуждает констатировать, что решение многих, стоящих перед гендерной историей проблем, еще потребует значительных усилий, направленных на соединение всех методологических ресурсов и реализацию продуктивного сотрудничества социальных историков, философов и культурологов. Исследование проблемы конструирования гендерных норм расширяет и

¹² Социальные проблемы рационального соотношения профессиональных и семейно-бытовых функций женщин. М., 1980. – С.92.

углубляет дискурс половой идентичности, раскрывает новые горизонты для научных исследований, помогает выявлению новых сюжетных линий гендерной проблематики. А это представляется важным как в плане развития обществоведческого знания, так и в аспекте лучшего понимания современных реалий общественного развития.

Список литературы

1. Ерохина Л.Д. Миф о женской покорности или этика ненасилия // Философские науки. – 2003.
2. Мак Киммен Гендерное общество. М., 1999.
3. Усманова А. Гендер и культура в парадигме гендерных исследований. Введение в гендерные исследования. Часть 1: Учебное пособие. (ХЦГИ, Санкт-Петербург: Алетейя, 2001).
4. Усманова А. Гендер и культура в парадигме гендерных исследований: Введение в гендерные исследования. Часть 1: Учебное пособие. (ХЦГИ, Санкт-Петербург: Алетейя, 2001), С.433.
5. Азарова Е. А. Влияние культуры на формирование и изменение моральных стереотипов. / Материалы V конференции, посвященной теории и истории женского движения / Сост. и отв. ред. Г.А. Тишкин. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2001.
6. Цит. По А. Усманова Гендер и культура в парадигме культурных исследований: Введение в гендерные исследования. Часть 1: Учебное пособие. (ХЦГИ, Санкт-Петербург; Алетейя, 2001. Jordan G., Weedon Ch. *Cultural Politics. Class, Gender, Race and the Postmodern World* (Blackwell, 1995). Санкт-Петербургское философское общество, 2001.
7. Азарова Е.А. Влияние культуры на формирование и изменение моральных стереотипов. / Материалы V конференции, посвященной теории и истории женского движения / Сост. и отв. ред. Г.А. Тишкин. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2001.
8. Практикум по гендерной психологии. Под ред. Клещиной И.С. – СПб. 2003. С.61.
9. Практикум по гендерной психологии. Под ред. Клещиной И.С. – СПб. 2003.
10. Платон. Соч.: В 3 т. М., 1990. С. 687.
11. Фромм Э. Иметь или быть. М., 1990. С. 115.
12. Гендерная теория и искусство. Антология. Составила Бредихина, Кети Дипуэл. М., 2004. С.112.

CONCERNING THE PROBLEM OF GENDER IDENTITY: SOCIAL AND CULTURAL ASPECT

L.U. KURBANOVA

M.D. Millionschikov
Grozny Oil Institute

e-mail: medna59@mail.ru

This article provides a brief analysis of the problem of gender identity, cultural paradigm, correlation of the specified discourses as basic categories in the historiography both domestic and western researchers. An attempt was made to indicate the basic criteria of gender self-identification of personality and their interpretation in practices of various cultures.

Key words: gender, self-identification, traditional culture, gender practices and stereotypes.